

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСКЮЛЬ

доктор исторических наук
(Санкт-Петербург),
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

ВЕСТФАЛЬСКАЯ МИССИЯ Л.А.ЯКОВЛЕВА (1810–1812 гг.)

Дипломатическую персоналию, как и вообще биографическую канву истории внешней политики России конца XVIII – начала XIX в., нельзя отнести к разряду наиболее изученных сюжетов истории России. Поиски ответа на вопрос о том, что представлял собой российский дипломатический корпус, обслуживавший внешнюю политику России в Европе, едва ли окажутся плодотворными. Вряд ли о ком можно сказать что-либо определенное и положительное, кроме, пожалуй, тех, кто представлял Россию во Франции, отчасти в Англии и, может быть, еще в Швеции и Исландии. П.А.Толстому, А.Б.Куракину, К.В.Нессельроде, С.Р.Воронцову, П.К.Сухтелену, Д.П.Татишеву посвящены краткие и, в ряде случаев, документальные очерки, статьи в биографических словарях и комментарии в соответствующих разделах публикаций по истории внешней политики России. Об этих дипломатах, в разное время прикосновенных к большой политике, известно несравненно больше, чем о таких, как, например, М.М.Алопеус – министр-резидент в Касселе и посланник в Берлине, П.Д.Мальтиц – посланник в Карлсруэ или В.В.Ханыков – посланник в Дрездене. О них неизвестно ничего или почти ничего. К этим лицам можно отнести и Льва Алексеевича Яковлева (1764–1839), закончившего карьеру чрезвычайным посланником и полномочным министром при вестфальском дворе.

«Сенатор был по характеру человек добрый и любивший рассеяния, – писал хорошо его знавший, приходившийся Яковлеву племянником А.И.Герцен, – он провел всю жизнь в мире, освещенном лампами, в мире официально-дипломатическом и придеор-

но-служебном, не догадываясь, что есть другой мир, посерьезнее, – несмотря даже на то, что все события с 1789 до 1815 г. не только прошли возле, но зацеплялись за него. Граф Воронцов посылал его к лорду В.Гренвиллю, чтобы узнать о том, что предпринимает генерал Бонапарт, оставивший египетскую армию. Он был в Париже во время коронации Наполеона. В 1811 г. Наполеон велел его остановить и задержать в Касселе, где он был послом при царе Ереме, как выражался мой отец в минуты досады. Словом, он был налицо при всех огромных происшествиях последнего времени, но как-то странно, не так, как следует». И далее: «Он всегда был занят, рассеян, он все ехал куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорах по миру оберток и переплетов». Так, с легкой иронией и отчасти свысока, отзывался автор «Былого и дум» о своем дяде, не забывая упомянуть о том, какую роль сыграл «сенатор» в судьбе его родителей: по семейному преданию, Яковлев «прятал» в русском посольстве в Касселе мать Герцена Луизу Гаар, а также помог ей и брату Ивану Алексеевичу Яковлеву пробраться в Россию¹.

Забегая несколько вперед, укажем, что документы вестфальской миссии Яковлева, которые в изобилии отложились в Архиве внешней политики Российской империи, не содержат каких-либо подтверждений или дополнений к этой семейной легенде, кроме разве что упоминания в одном из писем посланника от 10 (22) августа 1811 г. о том, что «через несколько дней» И.А.Яковлев отправляется в Петербург². В остальном же архивные материалы российской миссии многообразно представляют собственно дипломатическую деятельность Л.А.Яковлева в Вестфалии.

Посольский пост в Вестфальском королевстве был учрежден вскоре после Тильзитского мира, по одной из статей которого Александр I признал это новое государственное образование из брауншвейгских и гессенских земель во главе с братом Наполеона Жеромом³. «В европейских делах наше влияние подавлялось преобладающей силою Наполеона. Все эти государи-выскочки, посаженные им на престолы, его братья Иосиф в Испании, Людовик в Голландии, Иероним в Вестфалии, его зять Мюрат в Неаполе, сестра Элиза в Тоскане были официально признаны Тильзитским договором; они имели дипломатических представителей в Петербурге и при себе русских министров, с обычным взаимным обменом орденов и лент»⁴. Первым российским представителем в Вестфалии был князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский, ранее никогда не выступавший на дипломатическом поприще и пробывший на этом посту до весны 1810 г., когда он получил назначения в Мадрид. Едва ли в этом можно было искать какой-то скрытый смысл кроме обычной практики перемещения дипломатических представителей, которые таким образом не привыкали к своему посту и не теряли остроту восприятия применительно к тому, что составляло содержание их деятельности. Вместе с тем пост в Мадриде ни с какой стороны не мог быть важным для российского МИД и для императора Александра, поэтому туда без излишних затруднений можно было направить представителя, облеченного титулом и регалиями, особо не заботясь о том, обладает ли он способностями, соответствующими его дипломатическому рангу. Германские же государства, их многообразные, включая и династические связи с Россией требовали дипломатов опытных и сведущих.

В отличие от Репнина-Волконского Л.А.Яковлев уже давно состоял на дипломатической службе. Правда, начинал он карьеру так же, как и князь Николай Григорьевич – по военной части, в том же лейб-гвардии Измайловском полку (с 1788 г. – подпоручик и далее до капитана и полковника в 1789 г.). В сентябре 1789 г. Яковлев получает назначение советником канцелярии в Коллегии иностранных дел, после чего побывал с миссией в Швеции, затем в Англии, где в мае 1800 г. был произведен в статские советники и оттуда был направлен в Вюртемберг поверенным в делах. В 1807 г. Яковлев получил камергерский ключ, а два года спустя – орден Св. Иоанна Иерусалимского. После всех этих отличий он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Штутгарт⁵, откуда был переведен в Кассель (указ от 12 февраля 1810 г.)⁶. Ранее Яковлев получил назначение в Мадрид, в ответ на которое уже успел дать свое согласие в письме канцлеру графу Н.П.Румянцеву⁷. Однако 14 февраля 1810 г. Румянцев сообщил Яковлеву, что император изменил свое решение: Яковлев должен был ехать в Кассель, а барон П.Ф.Мальтиц – на его место в Вюртемберг, захватив с собою новые шифры для русской миссии и преувеличение Румянцева о том, что инструкция, данная в свое время Репнину, остается в силе⁸.

О выполнении протокольных обязанностей по прибытии в Кассель Л.А.Яковлев сообщил канцлеру в депеше от 19 (31) июля. Прибыв в столицу 16 (28) июля, он был принят государственным министром графом Ле Камю де Фюрстенштейном, которому, сообразно с обычаем, были вручены копии верительных грамот. Аудиенция в королевском дворце, расположенном в живописном парке Вильгельмсхее, называвшемся тогда Наполеонсхее, была назначена на 30 июля 1810 г. В 11 часов утра, как потом сообщил в Петербург Яковлев, он вступил в тронную залу, и обер-церемониймейстер подвел его к коро-

лю, после чего Фюрстенштейн представил российского посла Его Величеству. При вручении верительных грамот Жерому Яковлев выразил младшему брату императора французов «чувства дружбы, которые Его Императорское Величество питает к нему». Молодой король, которому в то время было всего 26 лет, ответил в том смысле, что «придает особливую значимость всему, что ни исходит от Императора Александра», и добавил, что «воспользуется всяким случаем ради поддержания доброго согласия, столь счастливо установившегося между обоими дворами». Затем посол был представлен королеве, которая также выразила свои чувства к российскому императору, «ввиду связывающих их уз родства (супруга Жерома Наполеона, Катарина Вюртембергская, приходилась племянницей вдовствующей императрице Марии Федоровне. – С.И.) и благоволила вспоминать о тех временах, когда я имел честь быть знакомым ей при дворе августейшего ее батюшки»⁹. В особой депеше Яковлев сообщил Александру I о вручении верительных грамот Жерому¹⁰. Тогда же посол направил российским послан И.И.Барятинскому в Мюнхен, В.Г.Лизакевичу в Копенгаген, П.Ф.Мальтицу в Штутгарт, Е.М.Рябинину в Карлсруэ, Х.А.Ливену в Берлин известительные письма аналогичного содержания: «Со вчерашнего дня вступил в должность чрезвычайного посланника и полномочного министра при Е.В. короле Вестфальском, каковую Е.В-ву Императору угодно было на меня возложить. Спешу уведомить о том Ваше Превосходительство и уверить о том моем удовольствии поддерживать с вами на будущее отношения, кои могут послужить ко благу общей нашей службы»¹¹. Подтвердив получение шифров, инструкций и бумаг, касавшихся деятельности вестфальской миссии¹², Яковлев целиком отдается текущей работе дипломата.

Следуя инструкциям, данным ранее князю Репнину, посол уделял особое внимание военным вопросам. «Как стало известно, – сообщал он в рапорте от 17 (29) августа 1810 г., – численность французских войск в этой стране должна возрасти, и это несмотря на то, что мера эта идет вразрез с соглашением, заключенным между Францией и Вестфалией о том, что король может увеличивать численность своих войск, когда при формировании каждого нового вестфальского батальона из страны выводится соответственно один французский батальон». Отметив, что увеличение французских сил в Вестфалии будет весьма обременительным для страны, Яковлев указал, что, по оценкам Фюрстенштейна, королевство уже тогда содержало 40 тыс. солдат, причем численность вестфальцев составляла 17 тыс., остальное приходилось на французов – дивизия генерала Годена в Магдебурге и несколько полков кавалерии генерала Брюйера в Ганновере. К этому присоединялось и то, что в связи с проектом создания крупного военного лагеря на 9 тыс. солдат в окрестностях столицы Яковлев отмечал особую активность Военного министерства Вестфалии, «временный глава которого генерал д'Альбиньяк* входит во все подробности организации лагеря и наблюдает за движениями войск, которые должны двигаться к месту сосредоточения». Посол не мог пройти также мимо такого важного известия, как сообщение о воцарении в Швеции Бернадота: «Это событие, которое, более чем вероятно, должно заинтересовать северные державы, произвело здесь подлинную сенсацию»¹³.

Преследование военной темы в донесениях Яковлева, естественно, не было случайным. Вестфаль-

* Альбиньяк де Кастильо, Филипп граф де Ридт (1775–1824), государственный советник и военный министр Вестфальского королевства.

кое королевство, ставшее частью Рейнского союза и французской системы в Европе, было призвано выполнять свои функции в деле обороны севера Германии ввиду продолжавшейся англо-французской войны. Это обстоятельство, а также вызванные войной усилия Франции по укреплению таможенной линии, прелятствовавшей распространению товаров британского производства, самым серьезным образом затрагивало ситуацию в Вестфалии. Как и в целом в Европе, это отвлечение сил империи на борьбу против Англии и финансировавшихся ею коалиций держав континента пагубно сказывалось на результатах созидательного и объективно прогрессивного французского проникновения в Германию, опиравшегося на союзных с Францией государей и просвещенные круги германского общества. Среди других государств Рейнского союза, протектором которого был Наполеон, в военной области Вестфалия не являлась исключением и должна была наращивать свои усилия и свой вклад в дело поддержания стабильности на континенте.

1 (13) сентября 1810 г. Яковлев сообщил Румянцеву новые сведения, связанные с военными делами: «Перенесение французской главной квартиры из Франкфурта в Ганновер и марш французских войск на север Германии заслуживают всяческого внимания, а посему считаю долгом донести Вашему Превосходительству, что штаб французской главной квартиры еще не получил приказа покинуть Ганновер». К этому посол добавил, что слухи о марше дивизии генерала Луи де Фриана через территорию Вестфалии были беспочвенны. Передавая содержание своего разговора с военным министром, Яковлев писал: «Он допускает, что ежели эта дивизия, состоящая из 15 тыс. солдат, и двинется сегодня в этом направлении, то, вероятно, она направится по военной дороге через Айзенах и в устьях Эльбы и Везера сменит дивизию генерала Морана, которая, в свою очередь, выступит в Мекленбург, где, согласно тому, что сказал министр, не особенно строго присматривают за контрабандистами, что побудило Императора Наполеона направить в тамошние порты собственные войска»¹⁴. Таким образом, континентальная блокада требовала совершенствования мер по установлению более действенного таможенного контроля, в осуществлении которых участвовали французские войска, расположенные на территории королевства или проходившие сквозными маршами через нее. Согласно приложенной к депеше Яковлева «Дислокации французских войск в Вестфальском королевстве», в стране находилось на постое 20 600 французских солдат, 6 полков кавалерии и 7 пехоты, преимущественно в Ганновере, Фердене и Штаде¹⁵.

Эти меры сопровождались усилиями по укреплению вестфальской армии, которой много занимался сам Жером. Российский дипломат сообщал в Петербург 11 (23) сентября: «Его Величество король только что повелел декретом от 16 сентября, чтобы три тысячи новобранцев из департаментов, составленных из земель бывшего курфюршества Ганноверского, были приняты на действительную военную службу, и чтобы распределение контингента, определенного для каждого департамента, было осуществлено каждым префектом между различными округами подпрефектур». При этом Яковлев известил Румянцева о том, что «другой королевский декрет от того же числа повелевает, чтобы вестфальский таможенный корпус, учрежденный в настоящее время на таможенной линии по берегам Везера, был перемещен на берега Эльбы, и чтобы эта новая таможенная линия протянулась от границ с Саксонией до самого Гамбурга»¹⁶. Таким образом, ужесточение

протекционистских мер, приведших к событиям конца 1810 — начала 1811 г. вокруг Ольденбурга, что, в свою очередь, обострило франко-российские отношения, для заинтересованных сторон отнюдь не явилось неожиданностью. 18 (30) сентября посол доносил, что «Его Величество король отбыл сегодня в лагерь, устроенный на высотах по правому берегу Фульды, чтобы руководить там маневрами 3 пехотных полков линейных войск и гвардии», и попутно, что вестфальские таможенники захватили и конфисковали крупную партию колониальных товаров¹⁷. 25 сентября (7 октября) Яковлев передал в Петербург о новом королевском декрете против распространения товаров британского происхождения. «Он повелел, — писал посол, — чтобы все товары английского производства и все какие бы то ни было колониальные товары захватывались и конфисковывались на вестфальских границах, какого бы происхождения они ни были и под каким бы флагом ни были привезены». В депеше уточнялось: «Торговля колониальными товарами будет разрешена, если она производится на публичных распродажах конфискованных товаров и на аукционах французскими властями в портах и приморских городах, и если таковые товары имеют сертификаты, составленные по предписанной властями форме»¹⁸. Подобные меры, по сообщениям Яковлева, предпринимались и в дальнейшем, и сведения, которые представлял российский посол в Петербург, были тем более ценны, что он получал их, в частности, от французского посла в Касселе барона Ш.-Ф. де Рейнара¹⁹. Между прочим, от последнего Яковлев узнал, какова реакция в самой Англии на меры, предпринимавшиеся Францией и ее союзниками против ввоза и распространения колониальных товаров. «И в самом деле, — замечал посол, — меры эти проводятся повсюду с необычайной суровостью, что неизбежно должно сказаться на британской торговле». По данным Рейнара, «во Франкфурте конфискационные меры осуществляются весьма строго; в то же время известно, что там имели место переговоры с депутацией купцов, которая согласилась уплатить Франции двенадцать миллионов франков при условии, что в дальнейшем они будут освобождены от всякого обложения». В связи с этим российский посол приводил мнение французского дипломата о том, что «эта мера доставила Франции весьма значительные суммы в Голландии и что она должна применяться и к прочим торговым городам, но, возможно, публика склонна рассматривать ее как финансовую операцию, призванную пополнить казну ввиду столь разорительной войны, каковой является война в Испании». Что же касается самой Германии — и здесь Яковлев был согласен с Рейнаром — то «отсутствие наличных денег повсеместно дает о себе знать, что может иметь губительные последствия, и следует предвидеть, что сие неизбежно повлечет за собою банкротства». Правда, при этом Рейнар выражал надежду, что «эти тяжкие жертвы приведут к желаемой цели и принудят Англию, как надеются во Франции, к принципам более умеренной и согласной политики»²⁰.

1 ноября 1810 г. Яковлев направил Н.П. Румянцеву новую депешу, целиком посвященную торговым и блокадным делам. На этот раз речь шла о новом декрете Жерома от 26 декабря о мерах, которые, видимо, должны были затронуть все государство Рейнского союза. Речь шла о том, что все склады колониальных товаров на территории королевства попадали под секвестр: «торговля этими товарами ставится в зависимость от того, будет ли под страхом конфискации и в 24 часа заявлено об этих товарах, и если их перечень окажется неточным, то вся

партия необъявленных товаров подлежит конфискации». Это не исключало того, что французские таможенники могли на расстоянии 15 миль от своей таможенной линии осуществлять инспекцию и конфискации в пользу французского правительства. В той же депеше сообщалось о том, что в Вестфалии якобы решили не направлять больше войск в Испанию. В качестве объяснения этой меры Яковлев приводил тот факт, что «из восьми тысяч вестфальских солдат, кои в разное время были направлены в Испанию, в живых осталось совсем немного, что большей частью надобно приписать истощению жизненных сил и разного рода болезням, весьма распространенным среди них». Посол делал оговорку, что ему неизвестно, с согласия ли Наполеона или по собственному побуждению Жером решил не посылать больше вестфальцев для взаимодействия с французскими войсками²¹.

При всей скудности текущей информации, которая имела тогда в империи и в государствах Рейнского союза, любые данные, в том числе и разного рода слухи, имели определенную ценность. Яковлев это хорошо понимал и поэтому помещал в депеши все сведения, которые ему удавалось добыть через информаторов. «Полагают, — писал он 26 октября (7 ноября) в Петербург, — что король Вестфальский не отказался от проекта присоединения к королевству Бремена и Гамбурга, но что он ведет по этому поводу непосредственные переговоры с Императором Наполеоном». Это был один из тех случаев, когда предчувствие надвигавшейся, пока еще неясной, опасности не обманывало российского посла, и предположения, известные ему, казались, давали основания для беспокойства: «В конце концов об этом не известно ничего определенного; известно, что эти города король отнюдь не прочь присоединить к королевству или, по крайней мере, поместить их под свое покровительство, но еще не известно, согласится ли на это Император Наполеон и согласуется ли план короля с собственными его проектами, ибо предполагают, что Император Наполеон намеревается все торговые города поставить в зависимость от Франции»²².

Между тем российский посол использовал завязавшиеся отношения с французским послом в Касселе, получая от него, вкупе с официальными сообщениями, важные данные, касавшиеся континентальной блокады. 10 (22) ноября 1810 г. он сообщил Румянцеву: «Здесь французский посол передал мне, что только что получил от своего двора повеление всецело способствовать успеху мер, предпринятых ранее касательно проникновения колониальных товаров и английских фабрикатов, принимая в соображение то обстоятельство, что местные фабрики и промыслы с неизбежностью должны вновь возродиться, благодаря полному пресечению ввоза». Со слов Рейнара Яковлев уточнял, что «не весьма зажиточные обыватели легко потеряют привычку к колониальным товарам, а многие из этих продуктов могут быть с успехом заменены теми, кои производятся в данной стране, и что во Франции уже вырабатывается собственный сахар, составляющий половину необходимого для страны количества». Это важное донесение Яковлев заканчивает любопытным суждением о взаимосвязи между возможным заключением франко-английского мира и политикой континентальной блокады: «По мнению особ наблюдательных, ежели мир с Англией, столь горячо желаемый на континенте, состоится, то сия держава подпитывает его лишь при условии, как то всегда было в прошлом, новых торговых преимуществ, кои позволят ей заместить сгоревшие фабрики новыми поставками, так что меры к сокрушению английской

торговли еще обернутся для Англии новыми преимуществами»²³.

Первое зашифрованное донесение из Вестфалии было составлено Яковлевым на основании информации, полученной от прусского посла Кюстера. С прусскими представителями у российских дипломатов отношения были всегда доверительными, так как, несмотря на поражение 1806—1807 гг. и франко-российский союз, Фридрих-Вильгельм III оставался союзником Александра I, и Пруссии всегда оказывалась поддержка в политическом, дипломатическом и иных отношениях. «Здесь прусский посол конфиденциально сообщил мне о том, — писал Яковлев, — что Император Наполеон якобы вел переговоры с королем Вестфалии с тем, чтобы получить от него 12 тыс. солдат в полное свое распоряжение, и что опять-таки якобы переговоры эти велись не здесь французским послом, но непосредственно между государями в Париже. Он добавил, что, согласно сведениям, полученным из Мюнхена, подобного рода конвенция ранее была заключена между Францией и Баварией и что король Баварский, вместо того, чтобы уплатить оставшиеся одиннадцать миллионов франков за Зальцбург, предоставил 12 тыс. солдат под командованием генерала Вреде в полное распоряжение Императора»²⁴. Вероятно, сейчас, когда, по прошествии времени, многие тогда неизвестные факты стали достоянием истории, мы едва ли отнесем эти сведения к разряду важной информации, но тогда они могли быть существенно важны для уяснения системы отношений между союзниками в военной сфере.

Между тем тревожные события надвигались с неумолимой быстротой. Декрет Имперского Сената от 13 декабря 1810 г. о присоединении ганзейских городов к империи захватил умы мыслящего общества. «Впечатление, которое этот декрет произвел на короля, — писал российский посол, — как по содержанию, так и по форме, и сенсация, каковую новость об этом повсеместно произвела в публике, не поддается описанию. В растерянности король вознамерился было самолично направиться в Париж, но по зрелом размышлении решил послать туда своего гоф-маршала графа фон Веллингера, как для того, чтобы знали о его озабоченности интересами государства, так и с тем, чтобы выяснить, не будет ли его присутствие неприятно императору и может ли оно способствовать благоприятному исходу дела». Яковлев вполне обоснованно писал о том, что «последствия сего декрета для процветания королевства очевидны, и теми, кто участлив к благосостоянию оно, рассматриваются как воистину губительные», объясняя это свое убеждение следующим образом: «Новорожденное государство, население коего не превышает двух с половиною миллионов, угнетаемое следствиями недавней войны, не имеющее иных ресурсов, кроме предприимчивости собственных жителей, и иных надежд, кроме той, которую дает перспектива доходной торговли через морские сообщения Севера, внезапно, против всякого ожидания, оказалась лишенным полумиллиона наиболее предприимчивых жителей и провинций, едва только обретенных и устроенных, важных по своему положению и коммерческим преимуществам, кои они сулили в будущем». Шифром Яковлев сообщал о том, что новые меры, принятые императором французов, «порождают бесчисленные слухи, основательность коих не поддается здравому суждению»; из этих слухов Яковлев выделил новость о том, что Наполеон якобы собирается передать Великое герцогство Варшавское вместе с Вестфалией маршалу Н. Даву, принцу Эмюльскому, а Жерома переместить королем в дру-

гую страну²⁵. Вместе с тем Яковлев обращал внимание на то обстоятельство, что как ни неожиданно было для короля сенатское решение и как ни тягостно было для него сознание собственного бессилия, Жером считал себя вправе требовать возмещения ущерба путем территориальных приобретений. «Кажется вполне вероятным, — писал он в депеше от 27 декабря 1810 г., — что княжества Липпе-Детмольд, Шауэнбург и Вальдек, эти анклавы внутри вестфальской территории, как раз и составят эти территориальные приобретения; добавив к ним Шварцбург и владения Анхальтского дома, которые находятся на границах с Саксонией, и герцогство Айзенах, в обмен на которое, как здесь полагают, Император Наполеон мог бы уступить Эрфурт с прилегающей территорией, король вполне мог бы возместить свои убытки, в особенности же, ежели Император отказался от тех 24 миллионов, кои Вестфалия осталась ему должна со времени ее оккупации французскими войсками»²⁶.

Присоединение ганзейских городов к империи, которое, по словам историка, «вызвало в обществе охлаждение к послу Яковлеву, ибо полагали, что вслед за этим присоединением последует война с Россией»²⁷, для самого Яковлева не было большой неожиданностью. Ведь еще недавно ему приходилось, по просьбе канцлера, заниматься улаживанием дел, вызванных территориальной нестабильностью как в самом королевстве, так и в Рейнском союзе. Тогда, т.е. после 10 января 1810 г., когда был подписан договор между Францией и Вестфалией о передаче королевству Ганновера, возникли территориальные несогласия между королем Жеромом и Петером Фридрихом Людвигом, герцогом Гольштейн-Ольденбургским. В письме Яковлеву от 12 июля 1810 г. Румянцев сообщил о письме герцога своему племяннику (императору Александру I), где тот писал: «Среди тех владений, кои включены в состав моих владений, благодаря Императорам-арбитрам Германии (Александру и Наполеону, согласно тому, о чем обе стороны договорились в Тильзите. — С.И.), имеются те, что находятся в совместном нашем с королем Вестфалии обладании. Таковое положение дел не может далее продолжаться, и я готов содействовать справедливому и разумному решению дела, но поскольку речь идет о переговорах, я прошу, чтоб Ваше Императорское Величество приказали своему послу в Касселе поддерживать мои претензии, насколько сие окажется возможным»²⁸. Прилагая копию этого письма, Румянцев писал: «Его Величество, движимый чувствами, кои испытывает он к сему принцу, как вследствие уз родства, связывающих его с Императорской фамилией, так и из личной искренней дружбы, заявляет о своем стремлении удовлетворить желание, выраженное в этом письме; он предписывает мне, в соответствии с этим, поручить вам поддерживать те справедливые требования, кои Его Светлость герцог Ольденбургский будет направлять двору, при коем вы аккредитованы, и при всяком случае оказывать ему услуги с тем, чтобы добиться в пользу Его Светлости решений наиболее приемлемых с точки зрения законности и справедливости». Румянцев просил при случае дать понять королю об участии, принимаемом Александром I во всем, что касается герцога, и о его желании покончить с этим делом самым дружественным образом»²⁹. В особом письме герцог изложил Яковлеву суть дела: «Я не преминул бы тотчас же адресоваться к вам, если бы каждодневно не был занят и озабочен непрекращающимися маршами французских войск в направлении Голландии, и, кроме того, движением корпуса маршала принца Экмюльского, который собирается

расположиться постоем в Ольденбурге. Предмет, который требует обсуждения с Вестфальским двором, касается четырех приходов, обладание которыми разделилось между двумя странами, каждая из которых приписывает себе суверенитет над ними». По словам герцога, обращения к королю и его министрам остались без ответа, а между тем он выражал готовность к переговорам и заключению особого соглашения на этот счет: «Я прошу только то, что по самой справедливости принадлежит мне, и для того, чтобы добиться оной, осмеливаюсь прибегнуть, коли представится случай, к вашему посредничеству. Ныне осмеливаюсь лишь просить вас о том, чтобы вы извлекли дело сие из забвения, в котором оно оказалось»³⁰. В памятной записке, приложенной к письму герцога, к предметам разногласий были отнесены не только приходы Дамме, Нейенкирхен, Голленштедт и Твистринген, но и спорная граница между округом Клоппенбург, герцогством Ольденбург и округами Квакенбрук и Фурстенау³¹. Яковлев, который ранее обещал герцогу свое безусловное содействие³², был постоянно в курсе этой тяжбы. Отвечая на его письмо от 27 октября 1810 г., Яковлев писал, что, по словам государственного секретаря Фюрстенштейна, дело затягивалось, и герцогу нужно было набраться терпения, так как собрать все необходимые данные для ольденбургско-вестфальских переговоров поручено было министру внутренних дел Вестфалии графу Густаву-Антону фон Вольфрадту, который должен был представить королю специальную записку по этому вопросу³³. Таким образом, при всем старании российского посла довести это дело до конца не удалось, но виною тому были в первую очередь внешние обстоятельства, ибо речь уже шла о самом существовании Ольденбурга: в конце декабря 1810 г. французская таможенная линия пролегла через территорию герцогства, а вскоре туда были введены французские войска.

Как известно, вовлеченные в кризисную ситуацию, тильзитские союзники не смогли прийти к соглашению³⁴. Александр I направил в Кассель ноту, в которой самым решительным образом протестовал против нарушения суверенных прав герцога Ольденбургского и своих собственных. Поскольку протест российского посла в Париже князя А.Б. Куракина не был принят и таким образом как бы не состоялся, Александр I решил довести его до сведения правительств всех европейских государств.

14 марта 1811 г. в ряд европейских столиц, в том числе и Кассель, с флигель-адъютантом А.И. Чернышевым был отправлен циркуляр МИД. В нем предписывалось довести до сведения правительств, при которых были аккредитованы соответствующие российские дипломатические представители, приложенное при этом послании циркулярное письмо. В циркуляре предписывалось «ни в коем случае» не принимать отказа со стороны министров иностранных дел от принятия «под каким бы то ни было предлогом» ноты российского правительства. Послу, в данном случае Л.А. Яковлеву, предписывалось, если отказ все-таки состоялся бы, поступить как А.Б. Куракин, т.е. оставить ноту на столе министра; вместе с тем разрешалось в дальнейшем поставить министра в известность о попытках российского посла в Париже вручить ноту и о недовольстве Александра I тем, что нота так и не была принята³⁵. Циркулярное письмо канцлера Н.П. Румянцева не было лишь информацией «для сведения» своих коллег в европейских столицах. Несмотря на сдержанный тон и общую умеренность выражений, это было нечто большее, чем обычное дипломатическое послание, ибо в нем шла речь о решении российского императора «прибегнуть к праву резервации»³⁶.

Если рассматривать циркулярное письмо и ноту протеста через призму российско-французского союза, то становится очевидным, что российское правительство уже не рассматривало союз с Францией как фактор, определяющий все прочие отношения; оно стремилось возложить ответственность за случившееся на французскую сторону, а право резервации означало не что иное, как отказ признать законную силу за действиями своего партнера по союзу и сохранение за Россией права оспорить эти действия впоследствии.

Л.А. Яковлев не замедлил тотчас же исполнить возложенное на него поручение. Он вручил ноту Фюрстенштейну, а тот представил ее королю³⁷. В последовавшей затем беседе с послом министр постарался акцентировать внимание на том, что в Париже ноту протеста не приняли и Куракин должен был в конце концов взять ее назад, т.е. Фюрстенштейн хотел представить дело так, что стоит проявить еще немного доброй воли — и неприятный инцидент будет исчерпан. Яковлев же возразил на это тем, что, хотя Куракин и согласился повременить с вручением ноты, «Император, мой августейший повелитель, во всеуслышание осудил эту снисходительность, и что король, не будучи лицом заинтересованным в этом деле, должен усмотреть в этом известии, обращенном ко всем дворам, новый знак уважения со стороны императора». Выслушав заявление посла, министр выразился в том смысле, что король рассматривает этот демарш как еще одно свидетельство дружественного отношения к нему со стороны императора Александра»³⁸.

Однако, что бы ни говорили министры и дипломаты, российская нота по поводу Ольденбурга в конечном счете явилась тем событием, после которого бывшее обаяние Тильзита непоправимо потускнело, и настолько, что союзники уже не могли примириться и стали готовиться к войне. Начиная со второй половины мая 1811 г. не проходило и дня, чтобы российский посол в Вестфалии не сообщал в Петербург о передвижении французских войск и контингентов германских союзников Франции. Яковлев брал на заметку решительно все, включая проезд через Кассель чинов из высшего офицерства, проход артиллерийских парков и обозов с порохом, реквизиции лошадей, рекрутские наборы и связанное с этим недовольство населения³⁹, смотры вестфальских войск и, конечно же, циркулировавшие слухи. Так, он сообщил о том, что «с некоторыми пор публика, привыкшая к переменам, происходящим в различных странах и даже в отношении правящих там государей, ожидает перемещения короля Неаполитанского, но пока неизвестно куда, и вице-короля Италии — в Германию, полагая, что правительства великих держав с том уже предуведомлены»⁴⁰.

В другой депеше Яковлев известил МИД о том, что среди населения «слухи о предстоящей войне распространены более, нежели когда-либо. То, что занимает и беспокоит умы, так это передвижение масс войск от Рейна к Везеру, которое находит подтверждение в письмах из-за Рейна, а также марш войск через новые германские департаменты и то, что таким образом численность так называемой Северной армии значительно возрастает»⁴¹. Также под шифром, как и в прочих случаях, посол доносил о беспокойстве, которое вносят в публику бесконечные передвижения войск, и о том, что начинают говорить в связи с этим о военных мерах, предпринимаемых Францией и Рейнским союзом против Пруссии, которая таким образом окажется оккупированной⁴². Донесения Яковлева в Петербург изобилуют данными о прохождении войск через различные города и деревни с указанием номеров

полков, состава и численности проходивших частей, а также имен командиров. Большая часть из этих данных, использовавшихся послом в своих донесениях, добывалась через тайных информаторов, причем занимался сбором этих сведений не только сам посол, но и другие чиновники посольства; с полученными сведениями Яковлев знакомил своих коллег в Берлине, Вене, Дрездене, и таким образом информация провирялась из других источников и дополнялась новыми данными.

По словам одного из неустановленных корреспондентов посла, «кассельская миссия в настоящее время самая важная из всех в Германии» в смысле сбора военной информации, но стоила она недешево, так как посольству приходилось принимать меры безопасности, чтобы не скомпрометировать себя нежелательными связями⁴³.

Впрочем, посольская жизнь шла своим чередом. В конце сентября 1811 г. газета «Северная почта», со слов «Вестфальского монитора», сообщила о том, как отмечались царские дни в Касселе: «Пребывающий здесь Российский Министр г. Яковлев праздновал вчерашнего дня день тезоименитства Императора Александра с отличным великолепием. По отправлении молебствия в домовую Греко-Российской церкви, дан был им для всех находящихся здесь особ дипломатического корпуса обеденный стол, во время коего пили за здоровье императора, а потом короля нашего при звуке музыки. Вечеру зазжена была при доме посланника великолепная иллюминация»⁴⁴. Это была последняя иллюминация на здании российской миссии. С наступлением Нового года военно-дипломатическая ситуация в Германии продолжала оставаться напряженной, сквозные марши войск участились, а слухи сменились тревожным ожиданием войны. В салоне одного из высших чинов вестфальской армии, куда раз был приглашен и Яковлев, зашла речь о войне с Россией. «На какого союзника могла бы рассчитывать Россия в войне против Франции?» — спросил один из гостей. На это российский посол сказал, что у России есть «страшный союзник», на которого она всегда может полагаться, и в ответ на недоуменные вопросы тоном, потрясшим присутствующих, провозгласил: «Зима!»⁴⁵ К этому времени Л.А. Яковлев уже, вероятно, получил циркуляр МИД, в котором высказывались различные предположения о дальнейшей деятельности посольства в Касселе на случай разрыва между Россией и Францией: «Его Величеству, твердо решившему сохранять мир на Севере и не пренебрегающему ничем, дабы избежать разрыва, не пристало пускаться в предположения насчет того, что Император Наполеон вознамерится без всякого на то повода и противу самой справедливости напасть и вновь ввергнуть таким образом Европу в новую пучину зол и бедствий. Он не видит по сему необходимости в точных повелениях на этот случай». Тем не менее, император оставлял на усмотрение своего посланника в Касселе все те меры, которые тот мог счесть необходимыми ради безопасности себя лично и своих подчиненных; в отношении архива миссии предлагалось отделить от него шифры российского посольства и то, что представляло наибольшую ценность, дабы посол постоянно мог иметь это перед глазами, а все остальное предписывалось переправить в Вену, в тамошнее российское посольство. «Если же в предполагаемой войне между Россией и Францией двор, при коем вы обретаетесь, не посчитает себя непосредственным образом участвующим против Его Императорского Величества, то вам надлежит остаться при нем в том дипломатическом качестве, в каковом вы ныне есть»⁴⁶.

Пока же до российско-французского разрыва не дошло, Яковлев продолжал заниматься привычной для него работой. Помимо чисто посольских дел, ему приходилось брать на себя полутно и дела скорее консульского порядка, но особых разграничений функций в то время не наблюдалось. Так, например, в июле 1810 г. Яковлев хлопотал о паспорте и бесплатном проезде в Россию для профессора Корнелиуса Риссига, который «не мог найти применение своим математическим знаниям и талантам механика у себя на родине»⁴⁷. Тогда же Яковлев сообщил Румянцеву о просьбе профессора Георга Сарториуса фон Вальтерсхайзена, историка и филолога из Геттингена, относительно Августины Беринг из Ганновера, желавшей получить место учительницы в «каком-нибудь московском доме»⁴⁸. Занимался Яковлев и получением наследства умершего в Петербурге переплетчика Шуботца детьми покойного⁴⁹ и подобным же делом о наследстве бывшего садовника гессенского двора Висселера⁵⁰. Много забот и времени отнимали у посла и российские студенты в Вестфалии — Н.И. и С.И. Тургеневы, И.К. Каданов, Р.Ф. Тимковский и др.; послу приходилось наблюдать за их поведением, требовать аттестации об их успехах в науках, следить за своевременным получением содержания, а порою и улаживать их дела с полицией, как, например, в деле о дуэли, в которую оказался вовлеченным курляндский выходец, студент Геттингенского университета Борделиус⁵¹. Николай Тургенев, несомненно, ощущавший на себе отеческую заботу со стороны посла, ходатайствовавшего перед министром народного просвещения о разрешении ему продолжить свои занятия в Геттингенском университете, в июне 1811 г. записал в своем дневнике: «Покойная, беззаботная жизнь, щастливейшая жизнь — я должен променять тебя на пустую, исполненную неприятностей, трудную Петербургскую жизнь! Горько думать об этом; чувств своих выразить не могу. Какое-то невольное предчувствие, так сказать, отталкивает меня от России. С чем расстанусь я? с Геттингеном!»⁵² Сожаления Тургенева, в полной мере вкусившего вольной геттингенской жизни и неоднократно пользовавшегося гостеприимством хлебосольного посла, а также советника миссии Генриха Штруве, вполне понятны, однако вмешательство Л.А. Яковлева в прямые отношения между министерствами народного просвещения Вестфалии и России было далеко недостаточно.

Вскоре, однако, все это потеряло всякий смысл, ибо разрыв между Францией и Россией повлек за собой открытие военных действий, и вестфальская миссия Л.А. Яковлева прекратила свое существование, так как Жером Бонапарт выступил союзником своего брата в этой войне. Собственно, с полным прекращением почтового сообщения между Россией и германскими государствами всякие сомнения стали излишни, и, не дожидаясь официальных отзвучивших грамот, посол обратился в вестфальское Министерство юстиции с просьбой о паспортах. 9 июля 1812 г., после того, как в Касселе стало известно о том, что вестфальские войска в составе Великой армии перешли границы России, Яковлев затребовал паспорта нотой и, получив их, отправился в путь, выехав из Касселя 20 июля.

Перед отъездом посол тщательно просмотрел бумаги миссии, уничтожил старые и новые шифры; те же документы, которые не представляли большой важности, были упакованы и переданы в опечатан-

ном виде австрийскому посланнику фон Шаллю, отправлявшемуся в Вену. Яковлев и чиновники его миссии отправились в Петербург через Данию и Швецию, но принятые ими меры безопасности оказались излишними: французские таможенные чиновники в Гамбурге и Альтоне не чинили никаких прелатств и, по свидетельству Яковлева, не проверяли вещи и даже не заглянули в паспорта⁵³.

По возвращении в Россию Яковлев, после того, как привел в порядок расстроенные домашние дела, для чего потребовался длительный отпуск, отходит от государственных дел, занимается попечительством и благотворительностью. 28 марта 1820 г. он был произведен в тайные советники и пожалован в сенаторы. В 1828 г. Яковлев был представлен к знаку отличия беспорочной службы⁵⁴ и получил его 28 сентября 1828 г.⁵⁵

13 августа 1829 г. Яковлев становится почетным опекуном Московского опекунского совета, а также управляющим Мариинской больницей и Александровским институтом в Москве⁵⁶. 7 ноября 1831 г. в воздаяние усердной службы и трудов по управлению благотворительными учреждениями Яковлеву был пожалован орден Св. Владимира 2 степени⁵⁷. Особо заслуги Яковлева были отмечены в 1812 г. По возвращении в Россию он был представлен к ордену Св. Анны 1 степени и «в знак монаршего благоволения» был награжден им 30 августа 1812 г. В «Русском биографическом словаре» в этой связи говорится о том, что посол был удостоен высокой награды за спасение бумаг российской миссии в Касселе⁵⁸. С этим переключается высказывание А.И. Герцена о попытках Наполеона задержать Яковлева и захватить архив российской миссии, которые он относил, со слов отца, почему-то к 1811 г. Однако материалы российского МИД не дают оснований для подобного заключения. Яковлев получил эту награду в ознаменование завершения своей миссии и возвращения в Россию, что было обычной практикой тогдашних времен. Документы миссии говорят сами за себя: вестфальские и французские должностные лица не прелатствовали российской миссии вывозить свой архив, а Жерому, по зрелом размышлении, едва ли было так уж непременно нужно захватывать архив посольства государя, к войне с которым он не стремился и с которым он хотел возобновить дружественные отношения.

И в заключение еще один, весьма лестный, штрих к портрету Л.А. Яковлева, нарисованному Герценом, а именно его знакомство с Гете. Правда, известно, главным образом, то, что относится к «довестфальскому» периоду деятельности Яковлева, но их отношения не могли не продолжаться далее. Отношения между российским послом в Вюртемберге, а затем в Касселе и великим поэтом поддерживала страсть коллекционеров: резные камни и табакерки были тем предметом, который властно занимал умы обоих. Но дело не ограничивалось одними только светскими бесадами во время встреч на водах и взаимными, как бы сейчас сказали, «консультациями» ценителей искусства: 30 декабря 1809 г. Яковлев послал Гете великолепный подарок — гранатовую табакерку, которая поныне хранится в доме поэта в Веймаре⁵⁹. Помимо этого, вполне возможно, что практика посредничества в пересылке корреспонденции между французским послом в Касселе и Гете, которую поддерживал ранее Репнин-Волконский⁶⁰, возобновилась и позднее, когда посольский пост в Вестфалии занял Л.А. Яковлев.

¹ О «вестфальском» эксперименте на немецкой земле и о месте вестфальского «модельного» королевства в политике Франции по отношению к Германии см.: Goecke R., Ilgen Th. Das Königreich Westfalen. Sieben Jahre französischer Fremdherrschaft im Herzen Deutschlands, 1807–1813. Düsseldorf, 1888; Kleinschmidt A. Geschichte des Königreich Westfalen. Gotha, 1893; Heitzer H. Insurrectionen zwischen Weser und Elbe. Berlin, 1956; Berding H. Napoleonische Herrschafts und Gesellschaftspolitik im Königreich Westfalen 1807–1813. Göttingen, 1973; Idem. Le Royaume de Westphalie, état-modèle // Francia. T. 10 (1982). 1983. P. 345–358.

² Бутенев А.П. Воспоминания о моем времени // Русский Архив. 1881. Кн. 3. С. 54–55

³ Формулярный список о службе тайного советника, действительного камергера и кавалера Льва Алексеевича Яковлева, ноября 1832 г. (с пометой «послан к графу Карлу Васильевичу Нессельроду 19 ноября 1832 г.») // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1291. Оп. 1. Д. 252. № 2; Вел. кн. Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. IV. СПб., 1908. № 113; Яковлев А.А. Записки... бывшего в 1803 году обер-прокурором Святейшего Синода. М., 1915. С. 5–7; см. также: Родословие Яковлевых с означением и других родов, которые произошли от общего или родоначальника прусского владетеля Вейдевутова // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 69 (Герцен — Огарев). Папка № III. Пергамен (с пометой о том, что в июне 1807 г. родословие выдавалось А.А. Яковлеву).

⁴ АВПРИ. Ф. Административные дела. I-I. 1810. Д. I. Л. 35.

⁵ Яковлев — Румянцеву, 2 (14) февраля 1810 // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 10917. № 11.

⁶ Там же. Д. 10915. № 3.

⁷ Там же. Д. 2208. № 69.

⁸ Яковлев — Александру I, 18 (30) июля 1810 // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2207. № 68.

⁹ Там же. № 8. Л. 40.

¹⁰ Яковлев — Румянцеву, 20 июля (1 августа) // Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 2208. № 80. Л. 1–2.

¹² Там же. № 86.

¹³ Там же. Приложение к № 86.

¹⁴ Там же. № 88.

¹⁵ Там же. № 90.

¹⁶ Там же. № 93.

¹⁷ См.: Lang W. Graf Reinhard. Ein deutsch-französisches Lebensbild (1761–1837). Bamberg, 1896. S. 378–379. Понимается, поначалу барон лишь по обязанности поддерживал дружественные отношения с российским послом, но впоследствии он испытывал к нему чувства искренней симпатии и приязни. Наполеон, подчеркивая осведомленность Рейнара, утверждал, что из всех дипломатических корреспонденций депеши Рейнара для него были важнее всего.

¹⁸ Яковлев — Румянцеву, 17 (29) октября // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1810. Оп. 468. Д. 2208. № 100.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2208. № 101.

²⁰ Там же. № 103.

²¹ Там же. № 109.

²² Яковлев — Румянцеву, 2 декабря 1810 // Там же. № 112.

²³ Яковлев — Румянцеву, 23 декабря 1810 // Там же. № 121.

²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1810. Оп. 468. Д. 2208. № 122.

²⁵ Kleinschmidt A. Op. cit. S. 398.

²⁶ Петер Фридрих Людвиг герцог Гольштейн-Ольденбургский — Александру I, 23 июня 1810 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. 1810. Оп. 516. Д. 17. Л. 4–4 об.

²⁷ Там же. Л. 2–3.

²⁸ Петер Фридрих Людвиг — Яковлеву, 27 октября 1810 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. 1810. Оп. 516. Д. 17. Л. 6–6 об.

²⁹ Там же. Л. 7–10.

³⁰ Яковлев — Петеру Фридриху Людвигу, 6 октября 1810 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. 1810. Оп. 516. Д. 17. Л. 16–16 об.

³¹ Яковлев — Петеру Фридриху Людвигу, 20 октября (1 ноября) // Там же. Л. 17.

³² Искюль С.Н. Россия и ольденбургский кризис 1810–1811 гг. // Новая и новейшая история. Межвуз. науч. сб. № 9. Саратов, 1983. С. 22–51.

³³ Румянцев — Яковлеву, 14 (26) марта 1811 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. 1811. Оп. 516. Д. 14. Л. 65–67.

³⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского Министерства иностранных дел. Т. VI. М., 1962. С. 88–89.

³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Оп. 468. Д. 12677. № 270 и прил.

³⁶ Яковлев — Румянцеву, 9 (21) апреля 1811 // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Оп. 468. Д. 12677. № 272.

³⁷ Яковлев — Румянцеву, 23 ноября (9 декабря) 1811 // Российский военно-исторический архив. Ф. 432 (Военно-ученый архив). Д. 456. Ч. 1. Л. 120–121; см. также депешу Яковлева Румянцеву от 6 апреля 1812 // Там же. Д. 342. Л. 396–398.

³⁸ Яковлев — Румянцеву, 14 (26) мая 1811 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. Оп. 516. Д. 96.

³⁹ Яковлев — Румянцеву, 30 июля (11 августа) 1811 // Там же. Д. 112.

⁴⁰ Яковлев — Румянцеву, 10 (22) сентября 1811 // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Оп. 468. Д. 2210. № 77.

⁴¹ Неустановленное лицо — Яковлеву, 8 декабря 1811 // АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. 1811. Оп. 516. Д. 31. Л. 44–46.

⁴² Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета. 1811. 27 сентября

⁴³ Kleinschmidt A. Op. cit. S. 476.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Оп. 468. Д. 2212. № 49.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. Оп. 516. Д. 5.

⁴⁶ Там же. Д. 7.

⁴⁷ Там же. Д. 18. Л. 1–11.

⁴⁸ Там же. Л. 14–96.

⁴⁹ Яковлев — Румянцеву, 11 (26) марта 1812 // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Оп. 468. Д. 2211. № 24; см. также: АВПРИ. Ф. Миссия в Касселе. Оп. 516. Д. 16.

⁵⁰ Архив братьев Тургеневых. Вып. I (Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1806–1811 гг.). СПб., 1911. С. 305.

⁵¹ Яковлев — графу Н.И. Салтыкову, заведовавшему в то время МИД в отсутствие Н.П. Румянцева, 11 (23) июля 1812 (Копенгаген) // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Оп. 468. Д. 2211. № 45.

⁵² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. № 52. Л. 165.

⁵³ Формулярный список тайного советника, сенатора и кавалера Яковлева для предоставления в экспедицию о знаке отличия беспорочной службы. 1828 г. // РГАДА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 252. № 33.

¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 4. М., 1956. С. 28–29.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Миссия в Касселе. Оп. 516. Д. 10. Л. 50–51.

⁵⁶ А.Б.Кураки — Яковлеву, 28 ноября 1828 // Там же. № 42.

⁵⁷ РГИА. Ф. 42. Оп. 1. № 906. Л. 5 об.

⁵⁸ Русский биографический словарь. Т. [25]. Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 92–93.

⁵⁹ Дурьлин С Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 238–239.

⁶⁰ Lang W. Op cit. S. 378–379.